

Русскій социализмъ и государство

1.

Россія — страна особенная. У Россіи особые пути развитія. Россія скажетъ міру свое новое слово. Съ убѣждающей наглядностью показалъ И. И. Бунаковъ (въ *Соврем. Запис.* № 2), что эти положенія свойственны *всему* русскому сознанію, *всѣмъ* теченіямъ общественной мысли Россіи послѣдняго столѣтія. Они были близки не только романтическому славянофильству, но и реалистическому западничеству; не только Чаадаеву и Герцену, но и Бакунину и Чернышевскому, Толстому, Достоевскому, Владиміру Соловьеву; не только народничеству, но и русскому марксизму: въ его новѣйшемъ выраженіи «ленинизма» и въ его первоначальномъ, плехановскомъ выраженіи.

По самымъ разнообразнымъ основаніямъ — религиознымъ, философскимъ, историческимъ, экономическимъ — весьма отдаленные другъ отъ друга и по времени, и по духовнымъ своимъ влеченіямъ мыслители приходили къ одинаковому выводу: у Россіи *особенная* *стать*. Утверждалась особенная *стать* русскаго самодержавія, православія, народности и соотвѣтственно — русскаго капитализма, социализма, общины, крестьянства, пролетаріата. И до всего — особенная *стать* приписывалась *русской государственности*. Особливымъ признавалось отношеніе къ ней со стороны русскаго народа въ прошломъ, настоящемъ и, главнѣе всего, въ будущемъ. Особливость эта описывалась какъ фактъ и утверждалась какъ норма.

«Ложь лежитъ не въ той и не въ другой формѣ государства, а въ самомъ государствѣ, — какъ идеѣ, какъ принципѣ... Государство, какъ государство, — есть ложь... Славянскіе народы, русскій народъ по преимуществу, есть народъ негосударственный». Такъ писалъ не анархистъ и атеистъ — не гнѣшній «свразіецъ» или «софіецъ», — а ревнитель православнаго благочестія и

россійской самобытности К. С. Аксаковъ. Этотъ взглядъ раздѣляли и Хомяковъ, и братья Кирѣевскіе. Со времени славянофиловъ враждебное, въ лучшемъ случаѣ опасливое, отношеніе къ государству сдѣлалось прочной традиціей русскаго общественнаго самосознанія. Бакунинъ имѣлъ полное основаніе вести родословную русскаго анархизма отъ славянофиловъ. Послѣдующіе «бунтари», «лавристы», толстовцы, максималисты, марксисты и т. д. весьма далеко отошли отъ первыхъ пророковъ русскаго гражданскаго развитія, какъ называлъ славянофиловъ Огаревъ. Отошли идейно и практически. Но въ радикальномъ отрицаніи положительной роли государства они ихъ не превзошли; не могли превзойти, ибо у славянофиловъ отрицаніе государственности было крайнимъ, абсолютнымъ, религиознымъ.

«Мы не мѣщане, мы мужики... Мы бѣдны городами и богаты селами... Городъ у насъ почти одно правитель-ство, Россія государственная; а село — вся Россія, Россія народная», — писалъ современникъ славянофиловъ, родоначальникъ социализма въ Россіи Герценъ. И русскій социализмъ, на протяженіи всей своей исторіи искавший въ западно-европейскомъ социализмѣ поправки на общерусское самосознаніе и россійскую дѣйствительность, твердо усвоилъ герценовскую антитезу: мѣщане и мужики; государственность и народность; политическія «полурѣшенія» и окончательное экономическое разрѣшеніе. Выше безразличнаго нейтралитета почти никогда не поднималась кривая отношеній русскаго социализма къ идеѣ государства.

«Впередъ» Лаврова, смѣнившій герценовскій «Колоколь», доказывалъ, что современный ему социалистъ долженъ стремиться разрушить всякую форму правленія и всякое государственное устройство, несогласное съ его убѣжденіями. Развивая свою теорію все уменьшающагося минимума государственности для разныхъ историческихъ эпохъ, П. Л. Лавровъ предусматривалъ достиженіе ею нуля, — когда социалистическая солидарность овладѣетъ всѣмъ обществомъ. «Впередъ» считалъ отклоненіемъ отъ социализма образованіе національныхъ социалистическихъ партій, ибо социализмъ представлялся ему въ формѣ международнаго рабочаго общежитія безъ территоріи. (Правда, позднѣе, когда такое «отклоненіе» стало всеобщимъ, Лавровъ призналъ ошибочнымъ свое

отношеніе къ образованію національныхъ социалистическихъ партій). Естественно, что антигосударственники-«лавристы», какъ и ихъ предшественники и преемники, относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ «буржуазной» политической свободѣ. Даже «Народная Воля», признававшая исключительное значеніе за политической борьбой, и та безнадежно смѣшивала российское государство съ правительствомъ русскаго царя. «Россія, собственно говоря, представляетъ нѣчто въ родѣ обширнаго помѣстья, принадлежащаго компаніи (!) подъ фирмой «Русское Государство», — писалъ передовикъ «Народной Воли» № 2. «Устраните государство, и народъ устроится можетъ быть лучше, чѣмъ мы даже можемъ надѣяться»...

Скептическое отношеніе къ благамъ политической свободы въ теченіе долгаго времени сочеталось съ сочувствіемъ идеѣ социальной монархіи, т. е. освобожденія народа велѣніемъ царя. Эту мечту лелѣяли не только славянофилы, но и Герценъ; короткое время Чернышевскій; даже Бакунинъ, до того, конечно, какъ онъ объявилъ непримиримую войну государству во всѣхъ его проявленіяхъ — юридическихъ, политическихъ, социальныхъ, — всякому авторитету и всякой власти. Отсюда и то совершенно необычное положеніе въ политической исторіи Россіи, при которомъ сторонниками конституціонализма, правда, ограниченнаго и въ значительной мѣрѣ мнимаго — оказались завязтые крѣпостники: Мих. Безобразовъ, Шуваловъ, Орловъ-Давыдовъ, Валуевъ, тогда какъ въ числѣ противниковъ конституціи, какъ несправедливой привилегіи въ пользу имущихъ, оказались не только «крайніе», анархисты и социалисты, но и умѣреннѣйшіе либералы, добивавшіеся и проводившіе крестьянскую реформу: Кавелинъ, Юрій Самаринъ, Николай Миллютинъ. До самаго, можно сказать, двадцатаго вѣка сохранилъ силу «завѣтъ» Пестеля о томъ, что конституціонная монархія хуже самодержавной, потому что она, во-первыхъ, прикровеннѣе, а, во-вторыхъ, въ ущербъ народу даетъ особое значеніе «аристокраціямъ всякаго рода».

2.

Угнетаемая императорскимъ абсолютизмомъ русская общественность шла навстрѣчу социализму, по слову Герцена, — какъ древніе германцы шли навстрѣчу хри-

стѣпанству. И дважды на протяженіи девятнадцатаго вѣка
исконнее русское отталкиваніе отъ государства встрѣча-
лось съ аналогичнымъ движеніемъ, возникавшимъ на
Западѣ...

Утопическіе социалисты Запада не менѣе русскихъ
относились недообѣрчиво къ политическимъ задачамъ.
Они отрицали народовластіе (сень-симонисты); считали
несущественнымъ для интересовавшей ихъ социальной
реформы, деспотиченъ ли образъ пражскаго (Оуэръ);
возлагали свои главныя надежды на князей міра сего: на
Наполеона и Луи Филиппа (Фурье), на Меттерниха
(Оуэнь). Вліяніе утопистовъ сказалось главнымъ образомъ
на первыхъ истокахъ русскаго социализма, на народни-
ческомъ его теченіи. Вторичнымъ по времени, но по су-
ществу несравненно болѣе сильнымъ и опредѣляющимъ
было вліяніе Запада на русскій социализмъ при ренессансѣ
имъ марксизма. На глѣбѣ десятилѣтій судьбы русскаго
социализма, въ его марксистской фѣтви, вошли въ орбиту
западнаго, преимущественно германскаго социализма. От-
рицательное отношеніе къ государству, унаслѣдованное
Марксомъ и Энгельсомъ еще отъ либеральной традиціи
Адама Смита и французскихъ физиократовъ — и ими лишь
по своему обоснованное и обостренное, было встрѣчено
съ особеннымъ сочувствіемъ воспримчивыми русскими
марксистами. Желать своего государства, писала пле-
хановская «Искра» по поводу самостоятельности Польши,
значить желать своей арміи, своей полиціи, жандармеріи,
своихъ тюремъ, — какой же социалистъ можетъ пойти
на такое духовное самоубійство?!

Марксъ и Энгельсъ рѣшительно отвергли возможность
преобразованія современнаго, капиталистическаго госу-
дарства въ государство социалистическое. Становясь со-
циалистическимъ, государство, по ихъ мнѣнію, перестаетъ
быть государствомъ, «отмираетъ»; оставаясь же государ-
ствомъ, т. е. зломъ, орудіемъ угнетенія, погѣреннымъ
въ дѣлахъ имущихъ и т. д., оно не можетъ имѣть ничего
общаго съ социализмомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ «Ком-
мунистическій Манифестъ» вмѣсто государства говоритъ о
«великой всеобщей ассоціаціи». И позднѣе Энгельсъ
предлагалъ въ программу германской социаль-демократіи
всюду, гдѣ говорится о государствѣ, поставить «прекрас-
ное нѣмецкое слово община (Gemeinwesen), соотвѣтствующее
французскому слову коммуна». А когда германскіе

соціалисты, съ Вильг. Либнехтомъ и Бебелемъ во главѣ, позволили себѣ говорить о «свободномъ народномъ государствѣ» будущаго, они были призваны къ порядку: Энгельсъ авторитетно разъяснилъ, что о *государствѣ будущаго* можно говорить лишь въ агитаціонныхъ цѣляхъ; съ научной же точки зрѣнія, что для марксиста равнозначно соціалистической, — такой взглядъ несостоятеленъ.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на дефектахъ и несогласованности въ марксистскомъ представленіи о государствѣ. Достаточно указать, что наиболѣе прославленный ученикъ Маркса и Энгельса неоднократно утверждалъ и доказывалъ, что «главное, основное въ ученіи марксизма о государствѣ» это выводъ о томъ, что государственную машину надо не усовершенствовать, чѣмъ занимались всѣ прежнія, буржуазныя революціи, а «разбить, сломать» (*И. Ленинъ: Государство и Революція*, стр. 31).

Правда, фактически и въ отношеніи къ «государственной машинѣ» русскій вариантъ западнаго марксизма — «ленинизмъ» осуществилъ ту же самую «діалектику», которую и по сей день оупъничливо противопоставляетъ мелкобуржуазной, формальной логикѣ. Какъ общія хлѣбъ, ленинизмъ далъ голодъ; возвѣщая миръ, — привелъ къ войнѣ; суля дворцы, — отобралъ «жилплощадь»; такъ и въ отношеніи къ государственной машинѣ, призывая ее разбить и сломать, онъ фактически довелъ до небывалыхъ степеней напряженія весь ея «аппаратъ угнетенія»: полицію, армію, бюрократію, судъ, тюрьмы.*) И послѣ почти восьмилѣтняго аракчеевски-крѣпостническаго режима коммунистовъ естественно — психологически понятно и исторически, можетъ быть, неотвратимо — новое, стихійное отталкиваніе не только отъ «соціалисти-

*) Одной изъ многихъ иллюстрацій такой «діалектики» можетъ служить напечатанный въ «Печати и Революціи» № 4, за 1924 г. автографъ письма Ленина къ Антонову-Овѣенко отъ 24. I. 1918 г. Въ немъ, между прочимъ, говорится: «Ради бога, приложите *всѣ* усилія, чтобы *всѣ* и *всяческія* тренія съ Ц. И. К. харьковскимъ устранить. Это *артистично* въ *государственномъ* отношеніи. Ради бога, компитесь съ ними и признайте за ними *всяческій* суверенитетъ». — Слова: «*всяческій*» и «*государственнымъ*» подчеркнуты въ подлинникѣ дважды.

ческой» республики, но и отъ всякой государственности. Теперь, когда эмигрантская *Россія № 2* чествуетъ память Петра Великаго, а Совѣтская *Россія № 1* съ признательностью поминаетъ другого предтечу Ленина — Пугачева, и тутъ, и тамъ имѣется поводъ снова задуматься надъ причинами пресловутой анархической «природы» и противогосударственныхъ «инстинктовъ» русскаго народа. Почему поколѣнія русскіхъ людей въ апокалиптическомъ ужасѣ передъ строителями «сѣвернаго парадиза» и совѣтскаго «рая», отталкивались не только отъ метода ихъ строительства, но и отъ самаго строительства оконъ въ Европу и дверей въ Азію?

Надо вдуматься и понять, что *Бунташная Россія* — производное отъ *россійскаго самовластия*. Когда нѣтъ другихъ путей и средствъ борьбы съ несовершенствами существующаго строя, тогда, и только тогда, родятся и крѣпнутъ духи мятежа. И въ мѣру удлиненія сроковъ, отпущенныхъ судьбой коммунистическому самовластию, можно предвидѣть идеологическій и еще болѣе психологическій ростъ антизататическихъ настроеній. Тѣмъ насущнѣе и тѣмъ отвѣтственнѣе критической отборъ, — что отъ большевицкой «государственности» и что отъ государственности вообще.

Утопизмомъ были заражены, уецъ, далеко не одни только классическіе утописты. Имъ былъ зараженъ почти весь международный социализмъ, и, такъ называемый, научный социализмъ въ частности. Утопичны были не столько цѣли социализма, сколько его средства. При этомъ утопія развивалась одновременно въ двухъ направленіяхъ: въ приданіи исключительнаго значенія *экономическому* преобразованію и соотвѣтственной недооцѣнкѣ положительнаго значенія за политическимъ, государственнымъ преобразованиемъ и, съ другой стороны, — въ переоцѣнкѣ *революціоннаго* момента, въ признаніи его возможности и перманентной благостности для цѣлей *соціального освобожденія* трудящихся.

Утопизму, идущему по линіи переоцѣнки роли революціи въ *соціальномъ* переворотѣ, практикой *военнаго коммунизма* нанесенъ сокрушительный ударъ. Социализмъ «немедленный», осуществляемый полностью и сразу, усиленіями волевого меньшинства, оказался *миражемъ*, все отчетливѣе воспринимаемый за таковой *всѣмъ міромъ*. Перомъ Каутскаго и Бауэра, наиболѣе лѣвыхъ изъ

марксистовъ-некоммунистовъ, грядущая «Пролетарская революція» вводится нынѣ въ мирныя, почти легальныя рамки. Въ «Пролетарской революціи» борьба болѣе радикальныхъ противъ болѣе умѣренныхъ его элементовъ объявляется Каутскимъ борьбой «невѣжественныхъ, неопытныхъ, неорганизованныхъ, короче говоря, наиболѣе отсталыхъ слоевъ пролетаріата, противъ опытныхъ, организованныхъ, вышколенныхъ, противъ наиболѣе высоко развитыхъ его слоевъ». Каутскій, можно сказать, глумится надъ «революціонѣйшими изъ революціонеровъ», которые вздумали бы протестовать противъ новѣйшаго пониманія социальной революціи: «для нихъ революція безъ рѣзани и террора не настоящая революція, по жалкой, тряпичный реформизмъ. Своими воззрѣніями на революцію они доказываютъ лишь, какъ консервативно ихъ мышленіе, несмотря на революціонерныя фразы».

Аналогичный смыслъ имѣютъ и заявленія Отто Бауэра, замѣчательныя тѣмъ, что они были сформулированы не въ пору обнаружившагося воочию крушенія «соціалистическаго» опыта въ Россіи, а въ самый разгаръ увлеченія этимъ опытомъ, въ романтической періодъ большевизма, заражавшаго міръ своими побѣдами на всѣхъ фронтахъ. «Методической работой, идя отъ одной вѣхи къ другой, должны мы постепенно создать социалистическое общество, — намѣчалъ Бауэръ въ 19-мъ году свой «Путь къ социализму». Каждое изъ послѣдующихъ мѣропріятій, ведущихъ насъ къ социалистическому обществу должно быть зрѣло взвѣшено: оно должно не только болѣе справедливымъ образомъ организовать распределеніе товаровъ; оно должно также усовершенствовать производство. Оно не имѣетъ права разрушать капиталистическую организацію производства, если оно одновременно съ тѣмъ не устанавливаетъ социалистической организаціи, позволяющей по меньшей мѣрѣ столь же совершенное производство. Политическая революція была дѣломъ насилія; социальная революція можетъ быть только дѣломъ конструктивнаго и организованнаго труда. Политическая революція была дѣломъ нѣсколькихъ часовъ; социальная революція должна стать результатомъ отважнаго, но въ то же время и за долгіе годы обдуманнаго труда».

Разрывъ съ былымъ, утопическимъ представленіемъ о социальной революціи очевиденъ. Идеологически онъ

общепризнанъ. Гораздо неприступнѣе оказалась первая линия утопизма, традиціонное отношеніе социализма къ государственности. Сомнѣнія въ благотворной ея роли и необходимости для социалистическихъ цѣлей — не говоримъ уже въ самоцѣнности государства — все еще не изжиты. Поучительнымъ примѣромъ преодоленія революціоннаго утопизма рядомъ съ сохраненіемъ болѣе чѣмъ скептическаго отношенія къ государству въ русской социалистической литературѣ служитъ новѣйшая работа В. М. Чернова «Конструктивный Соціализмъ».

3.

Какъ и большинство работъ В. М. Чернова, «Конструктивный Соціализмъ» — схематиченъ, скорѣе публицистиченъ, нежели наученъ. Онъ малооригиналенъ: что въ немъ вѣрно, то не ново; что ново, почти всегда не вѣрно. За всеъ тѣмъ книга интересна и небезполезна. Небезполезно даже лишній разъ признать и признанныя уже ошибки, особенно если эти ошибки не только чужія, но и свои собственные; небезполезна и малооригинальная попытка русскаго социалиста подытожить результаты западно-европейской социалистической мысли въ побольшевицкій періодъ ея исторіи.

Лучшія главы Конструктивнаго Соціализма — критическія, «деструктивныя»: тѣ, въ которыхъ авторъ опровергаетъ ленинизмъ, убѣдительно вскрывая противорѣчія между социалистическими методами и цѣлями и коммунистическимъ «рабочимъ контролемъ», мнимымъ социализациями, націонализациями и т. д. Слѣдуя признанному западнымъ социализмомъ мнѣнію, В. Черновъ рѣшительно отмежевается отъ идеи немедленнаго осуществленія интегральнаго социализма. Онъ доказываетъ, что капитализмъ надо не «свергнуть», а «замѣстить»; что «этапамъ социализации должны соответствовать и этапы времени»; что созиданіе должно не слѣдовать за разрушеніемъ, а предшествовать ему; что всякая социализация требуетъ предварительной «конструктивной зрѣлости», разработаннаго заранѣе плана, технической и культурной подготовки и т. д. Правда, теперь, послѣ отказа самихъ большевиковъ — практически и идеологически — отъ апологіи «немедленнаго социализма», критиковать его значить въ извѣстномъ смыслѣ стучаться въ

открытыя двери. Послѣ того какъ «самъ» Ленинъ сталъ *оправдывать* свои «крайніе, самые отчаянные, ни съ чѣмъ не считающіеся приемы» тѣмъ, что его *заставили* къ нимъ прибѣгнуть «логика борьбы и сопротивленіе буржуазіи», а вовсе не его собственный коммунистическій экстазъ; послѣ того какъ и Ленинъ, и Бухаринъ и тучи прочихъ идеологовъ «научились вопросу (?..) о томъ, что значить срокъ» (Ленинъ); поняли, наконецъ, что «декретами социализма не введешь» (Бухаринъ) и что «въ настоящій моментъ является необходимость прибѣгнуть къ реформистскому, постепеновскому, осторожно-обходному методу въ коренныхъ вопросахъ экономическаго строительства» (Ленинъ), — аналогичныя сентенціи и усовѣщеванія Чернова объективно утрачиваютъ значительную мѣру своей поучительности. Тѣмъ не менѣе и сейчасъ критика, исходящая отъ В. М. Чернова, сохраняетъ весь свой смыслъ и значеніе, — особенно, для тѣхъ, кто, по инерціи собственной мысли, ставитъ свое отношеніе къ чужой въ зависимости не отъ содержанія мысли, а отъ того, кто ее высказываетъ.

Къ своему понятію *конструктивнаго* социализма Черновъ приводитъ путемъ построенія традиціонной триады, въ которой послѣдній, третій членъ освобождается отъ противоположныхъ недостатковъ обоихъ предшествующихъ. Конструктивный социализмъ такимъ образомъ преобразуется во всяческій «синтезъ»: утопическаго и научнаго социализма; «оппортунистическаго кунктаторства» и «безогляднаго экспериментаторства» и т. д. Даже противорѣчія между «серпомъ» и «молотомъ» авторомъ устраниются путемъ добавленія къ нимъ «книги», какъ символа знанія и умственнаго труда. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ то, что выдается за синтезъ, въ дѣйствительности представляетъ собою простую сумму, механическое, а не органическое соединеніе разнородныхъ элементовъ. Можно легко и точно установить, у кого что беретъ авторъ, начиная съ названія, продолжая критическими замѣчаніями и кончая выводами. В. М. Черновъ и самъ не дѣлаетъ изъ этого секрета. *Je prends tout bien si je le trouve*, — заявилъ онъ публично. И, дѣйствительно, широкой пригоршней черпаетъ онъ изъ идеологіи О. Бауэра, у «гильдейцевъ», Орадкса и Гобсона, Максима Леруа и т. д. Не это худо; и даже не то, что весь «Конструктивный Социализмъ»

оказывается не столько самоцѣннымъ теоретическимъ изслѣдованіемъ, сколько осуществляетъ прикладную цѣль — служить своего рода «объяснительной запиской» къ новѣйшимъ социальнымъ проектамъ французской CGT, англійской ILP и т. д. Худо то, что, подвергнувъ серьезной и, въ конечномъ счетѣ, положительной ревизіи прежне, отчасти свои же собственные, взгляды, лидеръ п. с.-р. дѣлаетъ видъ точно ровно ничего не произошло, все обстоитъ благополучно и пережитое придало лишь новыя силы и устойчивость социалистической, въ частности социаль-революціонной, идеологіи.

Между тѣмъ дѣло, конечно, не въ переименованіи социализма, котораго въѣдъ никогда не считалъ свои «деструктивныя» цѣли самодовлѣющими. Дѣло въ насыщеніи новымъ духомъ «старого социализма» и прежде всего — въ отказѣ отъ унаслѣдованной десятилѣтіями пышной фразеологіи, отъ обыкновенія болѣе или менѣе удачливой словесной завѣсой прикрывать зияющіе логическіе пробѣлы и провалы.

То, что Черновъ называетъ сейчасъ новымъ, конструктивнымъ социализмомъ, есть, по существу, давно извѣстный и хорошо знакомый и ему, и другимъ, *эволюціонный, реформистскій* социализмъ. Нужды нѣтъ, что Черновъ, — какъ и Отто Бауэръ, влияние котораго сильнѣе всего скажется въ построеніи Чернова, — тщательно избѣгаетъ этихъ словъ и всячески отгораживается отъ ревизионизма и «социаль-реформаторскаго прожектерства». Подчеркнутыя въ этомъ направленіи усилія лишь выдаютъ намѣренія автора. Если думы «прежде всего и болѣе всего о поднятіи жизненнаго, сытового, матеріальнаго уровня рабочаго» составляютъ, по Чернову, существо «социальнаго филантропизма», то можетъ ли отъ такого филантропизма отворачиваться социализмъ, — особенно именующій себя «конструктивнымъ»? Умѣстно ли противопоставлять «улучшеніе кормежки пролетарія», какъ якобы главную и единственную цѣль социаль-реформизма (или «маниловски-реформистскаго» социализма), — «превращенію рабочаго въ истиннаго субъекта созидательнаго процесса матеріальной продукціи», задачѣ конструктивнаго социализма?.. В. Черновъ считаетъ, что конструктивный социализмъ переводитъ проблему построенія нормальнаго общежитія въ «совершенно иную плоскость мышленія». Но когда рядомъ съ рѣзкими на-

паднами на *оппортунистическій* реформизмъ встрѣчаешь неумѣренное восхваленіе гильдеизма, въ частности, за то, что тотъ «глубоко чуждъ доктринерской непримиримости и насковозъ *поссибилистичень*» (курсивъ Чернова), — особенности новой «плоскости мышленія» рискуютъ создѣмъ стереться. Ибо въ самомъ дѣлѣ такъ ли ужъ принципиальна разница между оппортунизмомъ и поссибилизмомъ?

Въ подчеркнутомъ отказѣ В. М. Чернова отъ формальнаго пріятія наслѣдства, которымъ онъ фактически щедро пользуется, — не одинъ лишь методологическій изъянъ «Конструктивнаго Соціализма». Въ немъ и *политическая порочность* черновской конструкціи, особенно рельефно выступающая наружу въ дни всеобщаго признанія историческихъ заслугъ бернштейнства.

Даже самые исконные противники Эдуарда Бернштейна, глубочайшимъ образомъ съ нимъ расходившіеся, въ теченіе десятилѣтій видѣвшіе въ бернштейнцахъ такихъ же самыхъ «соціаль-предателей», которыхъ впослѣдствіи въ нихъ самихъ узрѣли другіе, — и тѣ ощутили потребность въ день 75-лѣтняго юбилея «патріарха» германской соціаль-демократіи переоцѣнить публично свое несправедливое къ нему отношеніе. Въ исключительно интересной статьѣ, помѣщенной въ гильфердинговскомъ журналѣ *Die Gesellschaft* (№ 1, за тек. годъ), Каутскій отмѣчаетъ историческое значеніе, которое имѣли идеи Бернштейна для всего развитія международнаго соціализма за послѣднюю четверть вѣка. Даже сакраментальное изрѣченіе Бернштейна: конечная цѣль соціализма — для меня ничто, движеніе — все, Каутскій склоненъ ны тѣ благожелательно истолковать въ духѣ священныхъ марксовыхъ словъ о томъ, что одинъ шагъ въ реальномъ движеніи цѣннѣе дюжины программъ; и что рабочій классъ не имѣетъ свою цѣлью осуществить какіе либо идеалы, а лишь освободить элементы новаго общества... Можеть быть, еще знаменательнѣе что ортодоксальнѣйшіе изъ марксистовъ русскіе соціаль-демократы признали, что постановка, которую далъ проблеммѣ практическаго осуществленія ревизионизмъ, «во многомъ была правильна». «Мы, русскіе соціалдемократы, — заявилъ «Соціалистическій Вѣстникъ» Дана и Абрамовича въ замѣткѣ, посвященной юбилею Эл. Бернштейна, — съ гордостью твердимъ: *онъ нашъ!*». (Курсивъ подлинника).

Весь социалистический мир призналъ Бернштейна, — крупнейшаго послѣ Лассаля и Жореса теоретика демократическаго, «манделовски-реформистскаго» социализма. Только лидеръ п. с.-р. продолжаетъ его третировать такъ, какъ въ былое время, лѣтъ двадцать тому назадъ, третировали вмѣстѣ съ Бернштейномъ его самого и возглавляемую имъ партію наиболее ортодоксальные марксисты. Только В. Черновъ рискуетъ снова повторить былыя рѣчи объ «измельчаніи, оппортунистическомъ вырожденіи и конечномъ неуспѣхѣ» бернштейнства и о сдачѣ его «жизнью въ архивъ исторіи». Такая оцѣнка тѣмъ болѣе несправедлива, что вся критическая часть «конструктивнаго социализма», заостренная противъ идеи «немедленнаго» социализма, генетически и по существу покоится на идеяхъ Бернштейна.

4.

Взаимнѣ «немедленнаго» и «деструктивнаго», социализма «росчеркомъ пера», — «Конструктивный Социализмъ» утверждаетъ постепенную социализацию «въ розницу», по выраженію Чернова. Въ общемъ видѣ это безспорно. Споръ начинается съ момента отрицанія Черновымъ въ общемъ видѣ системы *государственнаго* обобществленія

Идти къ социализму путемъ «государственія» В. М. Черновъ не соглашается, ибо путь этотъ, по его мнѣнію, уже испробованъ русскимъ большевизмомъ, который вынулъ изъ социализма самую душу — свободу и превратилъ его въ безжизненный трупъ, въ коммунистическую кадку. Не согласенъ Черновъ идти и путемъ синдикализма, путемъ «обезгосударственія». И такъ какъ «третьяго пути нѣтъ», то чтобы преодолѣть одновременно и «государственный социализмъ», и «односторонній синдикализмъ», В. М. Черновъ и приходитъ къ защитѣ плана обобществленія, сочетающаго *государство*, какъ «общность сосѣдско-территориальныхъ связей», *синдикаты*, или гильдии, какъ представительство организованныхъ производителей, и *кооперацию*, какъ объединеніе организованныхъ потребителей. — Такъ изъ нужды возникаетъ добродѣтель: отсутствіемъ третьяго пути предугадывается путь должный.

Поскольку это построение подсказано не прикладными цѣлями углубить фундаментъ для очередныхъ социаль-

политическихъ проектовъ рабочихъ круговъ Англии, Франціи, Австріи — его приходится признать случайнымъ, искусственнымъ и необъдительнымъ; особенно въ той его части, которая выдѣляетъ построение Чернова изъ длиннаго ряда ему подобныхъ. Мы имѣемъ въ виду *политико-правовую* цѣль аргументаціи, которой скрѣпляеть свое построение авторъ*).

В. Черновъ никакъ не можетъ допустить, чтобы кто-нибудь изъ социалистовъ былъ радикальнѣе его во взглядахъ на государство. Онъ полагаетъ, что «отмирание», на которое осудили государство Марксъ и Энгельсъ, даже у нихъ было лишь *словомъ* и *абстрактной* формулой. Кочетруктивный социализмъ, въ интерпретаціи Чернова, «этимъ довольствоваться не можетъ, онъ долженъ по указанному Марксомъ и Энгельсомъ пути пойти впередъ».

*) Говорятъ о стѣсненіи большой общности и неопредѣленности категорій производства и потребления; о наличности «внутри классовыхъ» противрѣчій среди производителей и среди потребителей; о заинтересованности въ высокихъ, «справедливыхъ» цѣнахъ сельскихъ хозяевъ въ отличіе отъ всѣхъ горожанъ: производителей, торговцевъ, потребителей; о возможности, при свободномъ синдцировании и кооперированіи, самостоятельной экономической политики со стороны Outsider'овъ (Aussenseiter), не примкнувшихъ къ тому или другому профессиональному или кооперативному союзу; и т. д. — говорить обо всемъ этомъ и многомъ другомъ, что оставляетъ безъ отвѣта Конструктивный Соціализмъ, значило бы повторять тѣ вопросы и сомнѣнія, которые были высказаны Эд. Берштейномъ задлго до появленія работы В. Чернова и которые въ первую очередь направлены противъ Отто Бауэра, подлиннаго автора того «Пути къ социализму», которымъ идетъ путь В. Черновъ.

Противрѣчіе интересовъ производителей и потребителей въ социалистическомъ обществѣ предусматриваетъ и Каутскій. Онъ видитъ въ этомъ «противрѣчіе общихъ интересовъ общества въ цѣломъ и профессиональныхъ интересовъ опредѣленной группы производителей». Именно поэтому Каутскій и считаетъ, что «мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній еще больше усиливать грядущую опасность, превращая высшую власть въ государство, нардное представительство, въ представительство интересовъ производителей». Поэтому же онъ предупреждаетъ: «Отрицательное отношеніе бакунизма и синдциализма къ политическимъ партіямъ и къ парламенту не должно вводить насъ въ заблужденіе. Это старое анархистское отношеніе нашло новѣйшее свое выраженіе въ конституціи совѣтизма и гильдейскаго социализма» (См. *Пролетарская Революція и ея программа*, стр. 188 и 192).

въ поискахъ конкретныхъ формъ, которыми начинается отмирание». Такимъ «реальнымъ и вполне практическимъ первымъ шагомъ по пути къ «отмиранію» принудительной государственности является ударъ по абсолютной суверенности государства, которымъ является (стиль подлинника! — М. В.) ограничение компетенціи послѣдняго въ пользу формъ трудовой общественности; въ пользу синдикальной и кооперативной организаціи рабочихъ массъ. Когда между ними происходитъ размежеваніе компетенціи, когда на долю государства по отношенію къ формамъ трудовой общественности выпадетъ лишь роль «перваго среди равныхъ», то это и есть первый шагъ къ «обезгосударствленію государства» (стр. 34).

Это исходное разсужденіе. И оно полно глубочайшихъ недоразумѣній и ошибокъ.

Прежде всего: путь, который Черновъ выдаетъ за продолженіе пути Маркса и Энгельса, *принципіально* отличенъ отъ того, которымъ хочетъ идти самъ авторъ Конструктивнаго Соціализма. Послѣдній проектируетъ исправленіе, улучшеніе, усовершенствованіе государства — («обезгосударствленіе государства» лишь одна изъ многихъ завитушекъ, до которыхъ В. Черновъ такой охотникъ и которую, въ качествѣ таковой, онъ самъ заключаетъ въ кавычки), — тогда какъ вся концепція и планъ (а не отдѣльныя только слова и формулы) Маркса и Энгельса направлялись въ сторону *разрушенія* государства, *уничтоженія* государственной машины, какъ орудія зла и угнетенія. Поэтому идею «свободнаго народнаго государства» они лишь претерпѣвали, какъ временную агитаціонную необходимость. Между тѣмъ Конструктивный Соціализмъ признаетъ за «свободнымъ народнымъ государствомъ» какъ будто бы не одинъ лишь агитаціонный смыслъ?!. Почему же въ такомъ случаѣ *его* путь есть продвиженіе впередъ по пути Маркса и Энгельса?

Далѣе: шагъ, который проектируетъ В. Черновъ, считая его первымъ по пути къ «отмиранію» государственно-сти, — ни въ какомъ отношеніи и ни въ какомъ направленіи не можетъ быть названъ «первымъ»; какъ не можетъ быть названъ первымъ и тотъ «ударъ» по понятію абсолютной суверенности государства, который предполагаетъ ему нанести Черновъ ограниченіемъ компетенціи государства.

Компетенція государства можетъ быть ограничена

и внутрь, и вглубь, и матеріально, и формально, т. е. и по предметамъ, на которые распространяется вѣдѣніе государственной власти, и по формѣ и предѣламъ осуществленія власти, а государство въ то же время можетъ не только не увядать, а, наоборотъ, цвѣсти и развиваться. Самое понятіе суверенности существуетъ лишь съ тѣхъ и до тѣхъ поръ, пока существуетъ самоограниченіе, саморазграниченіе и саморазмежеваніе функций государства. Въ этомъ объясненіе, почему современное государство опредѣляется нѣкоторыми юристами, какъ Kompetenz-Kompetenz, т. е. какъ компетенція надъ распредѣленіемъ компетенцій въ предѣлахъ націи.

«Абсолютная-суверенность государства» въ смыслѣ неразграниченности компетенціи и сосредоточенія ея полнотью въ одномъ лицѣ или органѣ, словомъ, идея Жана Бодена о государствѣ-самодержцѣ, давно уже сошла съ исторической авансены. «Размежеваніе компетенцій» идея довольно элементарная и не новая; связанная вовсе не съ ученіями о Zukunftstaat, о социалистическомъ государствѣ будущаго, а съ описаніями правового государства, насчитывающими вѣковую и даже двухвѣковую давность. Достаточно назвать ученіе Монтескье о раздѣленіи властей или Бенжамена Констана, писавшаго: «Нѣтъ неограниченной власти на землѣ — ни власти народа, ни тѣхъ, кто называютъ себя его представителями, ни власти монарха, ни власти закона, который, будучи выраженіемъ воли монарха или народа, смотря по формѣ правленія, долженъ быть заключенъ въ тѣ же границы, какъ и самая власть, его дающая»... Чтобы не ограничиваться столь отдаленными «древностями», можно указать на все современное государствовѣдѣніе, отошедшее отъ былого взгляда на необходимость *единого* органа, какъ источника, носителя, «сѣдалища», по выраженію Рэма, суверенной власти. Самая суверенность воспринимается уже давно не какъ абсолютная, а какъ *историческая категория*, которой обладаетъ германская имперія, тогда какъ составляющія имперію государства, нынѣ «земли», Баварія, Пруссія, Саксонія и т. д. суверенностью не обладаютъ, какъ не обладаютъ ею и швейцарскіе кантоны, отдѣльные штаты Америки, Канада, Австралія и прочія англійскія доминіоны.

Защищая идею государственнаго суверенитета, и отрицая въ то же время за нимъ абсолютный характеръ,

нѣмецкіе Geheimrat'ы были, конечно, весьма далеки отъ всякаго, не то что отъ самоновѣйшаго, конструктивнаго социализма. То же надо сказать о голландцѣ Краббе, деканѣ французскаго государствѣдѣнія Леонѣ Дюги, отцѣ Веймарской конституціи Гуго Прейсѣ и другихъ, которые вмѣсто суверенитета государства уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ выдвинули идею *суверенитета права* (Подробнѣе въ моей статьѣ «Идея суверенитета въ политической доктринѣ прежде и теперь». — Московскомъ *Юридическомъ Вѣстникѣ* за 1917 г. № 1). Въ рядѣ другихъ идей и фактовъ необходимо вспомнить о сверхгосударственномъ образованіи — о Лигѣ Націй, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что В. М. Черновъ ставитъ на счетъ и въ заслугу конструктивному социализму то, что ему специально вовсе не принадлежитъ, а составляетъ общенаучное достояніе. «Ударъ по понятію абсолютной суверенности государства» нанесенъ гораздо раньше того, какъ Черновъ образовалъ свое новое понятіе «трудовой общественности»...

В. Черновъ распределяетъ всю компетенцію и функции власти между государствомъ и «формами трудовой общественности», къ которымъ онъ относится «синдикальную и кооперативную организацію рабочихъ массъ». Государство, синдикаты и кооперация — «красугольные камни, на которыхъ приходится созидать храмъ будущаго». Ниже мы укажемъ почему, такое число «камней», по нашему мнѣнію, или избыточно или недостаточно. Здѣсь приходится отмѣтить неосновательность другого «красугольнаго» утвержденія В. Чернова: будто «облечь публично-правовыми функциями и прерогативами частно-правовые по происхожденію своему союзы — это значитъ сознательно снять твердые межевые знаки, въ буржуазномъ правѣ отдѣляющіе сферу публичнаго права отъ частнаго».

Облечь частно-правовые союзы — на примѣръ, синдикаты или кооперативное общество — публично-правовыми функциями это вѣдь и есть то самое «огосударствленіе», которое В. Черновъ считаетъ окончательно скомпрометированнымъ большевицкимъ опытомъ. Происхожденіе органовъ публично-правовой власти имѣетъ историческій и второстепенный. Для положительнаго права, какъ и для политики права, гораздо существеннѣе *содержаніе* полномочій, характеръ, объемъ и предѣлы

власти въ будущемъ общежитіи. Не то важно, что синдикаты и кооперация возникли на началахъ добровольнаго объединенія, а то важно, что они надѣляются публично-правовыми функціями и прерогативами. Разъ «свободная трудовая общественность» приравнивается къ «принудительнымъ государственнымъ органамъ», — нѣтъ основной къ утверждению будто тѣмъ самымъ «въ человѣческомъ общежитіи впервые приобрѣло право гражданства *анархическое* по существу своему начало». Мы уже не говоримъ объ умѣстности положительной оцѣнки этого факта со стороны идеолога социализма, а не анархизма.

Съ другой стороны, — твердые межевые знаки отдѣляютъ сферу публичнаго права отъ частнаго вовсе не въ одномъ только «буржуазномъ правѣ». Вся исторія права въ прошломъ — и вѣроятно, въ будущемъ — на этомъ покоится. Для прошлаго достаточно напомнить два антитипа — право римскаго государства и право, такъ называемаго, полицейскаго государства. Въ Римѣ съ его крайнимъ тяготѣніемъ къ индивидуальному праву все публичное право стало частнымъ достояніемъ главъ семействъ, привилегированныхъ сословіи, принцепса-императора. Въ полицейскомъ государствѣ произошелъ обратный процессъ поглощенія всего частнаго права безъ остатка органами публичной власти. Относительно будущаго, волиѣ раздѣляя взгляды Менгера на превращеніе институтовъ современнаго частнаго права въ институты права публичнаго, какъ на наиболѣе важную цѣль социализма, приходится съ сугубой осторожностью отнестись къ тому, что и послѣ такого преобразованія должно составить неотчуждаемое и непогашаемое содержаніе субъективнаго частнаго права. Въ этомъ гарантія противъ вырожденія социалистическихъ институтовъ въ институты полицейски-коммунистически-каторжные. — И передвиженіе межевыхъ знаковъ между публичнымъ и частнымъ правомъ характерно для всякаго социальнаго преобразованія, а не только для социалистическаго. Исторія преобразованія патріархально-вотчинной власти во власть абсолютнаго государства; исторія западно-европейскаго феодализма; представительства чиновъ и сословіи; ость-индской компаніи; управленія восточно-китайской желѣзной дороги и т. д. и т. д. убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ, что надѣленіе частно-правовыхъ объединеній функціями и прерогативами публич-

ной власти вовсе не является исключительной монополией конструктивнаго социализма. Въ новизнѣ, которую возвѣщаетъ В. Черновъ, слышится довольно почтенная старина.

Считая «огосударствленіе» безнадежно скомпрометтированнымъ, — хотя оно не больше и не меньше скомпрометтировано нежели все другое, къ чему приложили руки большевики: социализация земли, демократія, принципы самоопредѣленія народовъ, самый социализмъ, наконецъ, — В. Черновъ все же не исключаетъ государства вовсе изъ процесса обобществленія. Онъ лишь понижаетъ его вредоносное вліяніе до 33%, на двѣ трети, — уравнивая его въ значеніи съ синдикатами и коопераціей. Изъ всей совокупности интересовъ, обслуживаемыхъ государствомъ, Конструктивный Соціализмъ сохраняетъ за нимъ всего два: *охрану безопасности*, внѣшней и внутренней, и *сношенія*, почта, телеграфъ, пути сообщенія. Всѣ прочія функции, объединяемыя Черновымъ въ понятіи «производство и потребленіе вещественныхъ благъ», отходятъ въ вѣдѣніе синдикатовъ и коопераціи. — Надо ли доказывать, что и въ этой новизнѣ проступаетъ явная старина, *либерально-анархическая*?

Всемирное умаленіе функций государства и сведеніе ихъ, по возможности, къ обязанностямъ «ночного сторожа», охраняющаго жителей отъ злоумышленниковъ, но отнюдь не пекунагося о благополучіи гражданъ, — вѣдь составляло основной смыслъ политическаго либерализма Вильг. Гумбольдта, Дж. Ст. Милля, Лабуля. Съ другой стороны, планъ Чернова восходитъ къ идеѣ Лаврова о прогрессивно «умньшающемся минимумѣ» государственной власти и варьируетъ мысль Жоржа Сореля о синдикатѣ, какъ законномъ конкурентѣ государства, которому надлежитъ «опорожнить» государство отъ сохранившихся еще у него полезныхъ для рабочаго класса функций.

Можно было предполагать, что несвязанный опредѣленной догмой, задавшійся специально цѣлью преодолѣть ортодоксальный марксизмъ и синдикализмъ, В. М. Черновъ во всякомъ случаѣ не вернется вновь къ представленіямъ о государствѣ примитивнаго марксизма, къ утвержденіямъ первоучителей «научнаго социализма», къ тому, что между социализмомъ и анархизмомъ принципиально разнаго отношенія къ государству нѣтъ. Случилось обратное.

Конструктивный Соціализмъ въ своихъ заимствованіяхъ у «гильдсизма» въ значительной мѣрѣ возвращается къ традиціямъ ранняго марксизма, къ смягченному бакунизму. Черновъ самъ замѣчаетъ: «большевизмъ второго сорта дѣлается излишнимъ тамъ, гдѣ есть на лицо «первый сортъ». То же самое можно сказать и о гильдеизмѣ, марксизмѣ, бакунизмѣ второго сорта: — они такъ же излишни, разъ имѣется на лицо «первый сортъ»...

И въ этомъ приговорѣ политико-правовой конструкціи Чернова.

5.

«Храмъ будущаго» проектируется воздвигнуть на трехъ краеугольныхъ камняхъ. Правда, критикуя двучленную конструкцію гильдейцевъ (парламентъ и конгрессъ гильдій), В. Черновъ замѣчаетъ, что «основныхъ общественныхъ союзовъ не два, а по меньшей мѣрѣ три». Тѣмъ не менѣе ничьихъ иныхъ полномочій, помимо государства, синдикатовъ и коопераціи, онъ не защищаетъ. А между тѣмъ этими тремя «союзами» интересы и цѣли современнаго общежитія явно не исчерпываются. Достаточно назвать *національность*, вложившуюся въ прошлую и нынѣшнюю исторію человѣчества, во всякомъ случаѣ, не меньшимъ факторомъ, чѣмъ кооперація, чтобы увидѣть насколько случайно установленное Черновымъ число краеугольныхъ камней.

Извѣстный антагонизмъ, существующій между личностью и обществомъ усложняется, а отчасти и смягчается въ современномъ общежитіи вступленіемъ въ споръ третьей стороны — добровольныхъ объединеній по признаку сходства и солидарности интересовъ и переживаній. Говоря словами упомянутаго уже мною Леона Дюги, индивидъ въ тѣмъ большей мѣрѣ челоѣкъ, чѣмъ въ большее число общественныхъ группировокъ, которыми вдоль и поперекъ пересѣкается общежитіе, онъ входитъ. (Подробнѣе см. мою статью въ сборникѣ *Современныя Проблемы*. — Парижъ. 1921). Въ процессѣ своего развитія частныя по своему происхожденію объединенія — политическія, языковыя, профессиональныя и т. д. — стремятся приобрѣсти права юридическихъ лицъ, а въ дальнѣйшемъ, самоуправляясь и обслуживая не только свой, но и общія нужды, сдѣлаются *корпораціями*. Но предпосылкой и правовой основой осуществленія этихъ

нуждѣ и возникновеніи частныхъ, а потомъ и публично-правовыхъ группировокъ является государство: государство судья, а не одна лишь изъ сторонъ въ спорѣ. Государство единственная форма общежитія, мѣняющаяся, какъ и все человѣческое, во времени, въ структурѣ, въ направленіи дѣятельности, но не растворимая въ предѣлахъ націи въ другихъ формахъ, качественно неравная имъ и, потому, не сводимая ни къ чему третьему.

Слѣдуя за «гильдейцами», Черновъ отводитъ государству ту же роль «перваго среди равныхъ», что и они. Но тогда какъ гильдейцы, отказывающіе государству во всякой «суверенности», послѣдовательны, В. Черновъ, лишающій государство только «абсолютной» суверенности противорѣчивъ. Нельзя ставить на одинъ уровень съ государствомъ ни синдикаты, ни кооперацію, ни то и другое вмѣстѣ — «трудовую общественность». Рядомъ съ синдикатами и коопераціей, на одной съ ними горизонтали стоитъ не государство, а *partia*. Государство же не терпитъ уравнинія съ другими. Поставленное рядомъ съ другими формами общежитія государство либо становится ниже другого объединенія и тогда оно, какъ государство, исчезаетъ: — судьба СССР при РКП. Либо государство оказывается выше другихъ публично-правовыхъ объединеній и тогда оно остается и существуетъ, какъ остается и существуетъ оно у «завзятаго», по выраженію Чернова, «парламентскаго социалиста» Жореса, допускавшаго, что въ социалистическомъ государствѣ *его органами* контроля за производствомъ и распределеніемъ будутъ синдикаты и кооперація. У В. Чернова однѣ главы отдають явное предпочтеніе «свободному договорному соглашенію» передъ «припудительной организованностью»; «безвластничеству» передъ суверенностью; «новому корпоративно-экстерриториальному типу государственнаго управленія» — не воспрещается ли и здѣсь идея Лаврова о «международномъ рабочемъ общежитіи безъ территоріи», отъ которой даже Лавровъ въ свое время отказался? — и т. д. Въ другихъ главахъ, наоборотъ, опредѣленно торжествуетъ государство, какъ *логическое и фактическое* *primum* всякаго производства и потребленія, какъ учрежденіе, *охраняющее равновѣсіе между разными индивидуальными и групповыми интересами*, какъ *суперъ-арбитръ въ конфликтныхъ случаяхъ*, какъ *послѣднее слово въ организационномъ смыслѣ* (стр. 305 и 356-7).

Принимая государство въ этомъ, *рѣшающемъ* качествѣ, нельзя отвергать и «государствленіе», какъ единственно возможный методъ осуществленія социализма. Нельзя, говоря о государствѣ будущаго, о социалистическомъ государствѣ, возражать противъ него отъ нынѣшней коммунистической «вечекенизации» (терминъ Чернова, производный отъ Ве-Че-Ка) и бюрократизации. Ибо сомнѣнія въ возможности свободнаго «небюрократическаго» государства ведутъ неизбѣжно вглубь и дальше: къ сомнѣніямъ въ возможности вообще обобществленія. Если государство осуждено на вѣки оставаться бюрократизованнымъ, въ томъ одиозномъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется, — какія основанія связывать особо радужныя надежды съ «трудовой общественностью»? Въ частности, совѣтская «трудовая общественность» какъ будто бы ни въ чемъ не уступаетъ совѣтскому «государствленію».

Психологически понятно и исторически объяснимо нынѣшнее и, вѣроятно, будущее отталкиваніе социализма, особенно русскаго, отъ государства прошлаго, современнаго и, можетъ быть, грядущаго. Надо, однако, отдать себѣ отчетъ, къ чему такое отталкиваніе вело. Къ чему ведетъ и неизбѣжно будетъ вести традиція Штирнера, Бакунина, Прудона, утверждающая, что государство только орудіе угнетенія и опора имущихъ? Къ удаленію отъ социализма, а не къ приближенію къ нему. Ибо въ исторически обозримой перспективѣ, а она только одна и дана всякому не метафизическому социализму, — *социализмъ возможенъ въ формѣ социалистическаго государства или невозможенъ вовсе.*

Сочетаніе многихъ стилей, въ которыхъ задуманъ былъ «Конструктивный Соціализмъ» Черновымъ, привело фактически къ лишенію всякаго стиля, къ случайному и механическому нагроможденію внутри-противорѣчивыхъ элементовъ. Желаніе согласовать несогласуемое, извлечь себѣ на потребу кое-что отовсюду — до «французскихъ либераловъ, анархосиндикалистовъ и англійскихъ законрѣчныхъ индивидуалистовъ» включительно, — словомъ, *некритическій эклектизмъ* не могли не отомстить за себя. Сохраняя свое значеніе, какъ критика «деструктивнаго», «немедленнаго» социализма, «Конструктивный Соціализмъ» своего положительнаго заданія не осуществилъ и наименованія своего не оправдалъ. Онъ даетъ матеріалъ для

рѣшенія проблемы социализма, — отнюдь не самое его разрѣшеніе.

Это рѣшеніе надо искать на путяхъ Макдональда, Брантинга, Вандервельде, Бернштейна, Жореса, наконецъ, у вдохновеннѣйшаго апологета *государственной идеи* четвертаго сословія — у Лассалья. Даже предъ лицомъ прусскихъ судей, чиновниковъ монархіи Гогенцоллерновъ, государство для Лассалья оставалось «огнемъ Весты для всякой цивилизаціи», «единствомъ индивидовъ въ системѣ моральнаго цѣлаго». Историческимъ назначеніемъ государства Лассаль считалъ *развитіе и воспитаніе рода человеческого къ свободѣ*: путемъ обобществленія людей дать имъ возможности осуществить такія цѣли, достигнуть такихъ ступеней бытія, которыхъ они, какъ отдѣльныя особи, никогда не сумѣли бы достичь; вооружить людей такой суммой просвѣщенія, могущества и свободы, до которыхъ сами по себѣ они возвыситься не могутъ...

Задача — явно положительная, творческая, «конструктивная», несмотря на безбрежныя, въ конечномъ счетѣ *мета-соціалистическія* дали. Если даже эти дали не потребовали отъ Лассалья умерщвленія или «отмиранія» государства, нужно ли во имя исторически гораздо болѣе близкаго упразднить или умалить «государственную идею»?

Чтобы пресуществить современное искаженное государство въ государство социалистическое, необходимо прежде всего реабилитировать идею государства въ общественномъ, въ частности, въ социалистическомъ сознаніи. Государство, какъ и право, — въ вѣчномъ становленіи. Ничто такъ не чуждо ему, какъ состояніе абсолютнаго покоя и законченнаго совершенства. При множественности конкретныхъ формъ воплощенія цѣльность его остается себѣ равной и безусловной.

Маркъ Вишнякъ.